
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ПРЕССЫ 1920—1930 ГГ. XX В.

Г.Н. Фоменко, О.В. Мурашова

Кафедра русского языка № 1
Факультет русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу лингвокультурных универсалий и доминант на примере языка официальных изданий 1920–1930-х гг., а также исследованию стилистических, семантических, синтаксических параметров языка прессы периода начала советской эпохи.

Ключевые слова: лингвокультурные универсалии, официальная пресса, исторически очерченная эпоха, языковая картина мира, лингвокультурная ситуация (ЛКС) советской эпохи, демократизация речи, языковая картина мира.

В основе выделения и определения исторически очерченной эпохи на материале национального языка соответствующего периода лежит утвердившееся в XX в. представление о социокультурной природе речевых феноменов.

Функционирование языка осуществляется в конкретно-историческом пространстве и несет те экстралингвистические импликации, которые присущи ему, со всей уникальностью и одновременно типичностью.

Для эпохи 1920—1930-х гг. была характерна смена целого ряда культурных реалий, перенастройка духовных и прагматических смыслов, фундаментальное социально-политическое переустройство жизни целого народа, что не могло не сказаться на речевой деятельности коллектива, носителя национального языка.

Одно из основных изменений в развитии национальной лингвокультуры, связанное с революционной и постреволюционной эпохой, — это радикальная демократизация языка и культуры, активная унификация лексикона нации, который до революции отличался довольно строгим сословным разграничением стилевых регистров и словарного состава.

Язык площадей, язык заводских рабочих и крестьян, язык мещанского сословия стал властно проникать в сферу русского литературного языка, и в первую очередь эту функцию демократизации национального языка взяла на себя официальная пресса.

Коренное изменение ЛКС выразилось в появлении целого ряда новых лингвокультурных универсалий, которые трансформировали прежнее значение, или актуализации ранее имплицитно присутствовавших в языке, но не задействованных в формировании ЛКС эпохи: *товарищ, пролетариат, капитал, контра, буржуи, белые, красные, коммунизм, стройка, пятилетка, коллективизация, индустриализации, попутчики, строй, чистка, кулак, раскулачивание*; целый ряд новых аббревиатур: ВКП (б), ВЛКСМ, РАПП, ГРЭСС, Литпросвет, Днепрогэсс, НЭП,

ликбез, парторг, партячейка, детсад, комсомол, оргвыводы, диамат, пролеткульт и пр.

Официальная пресса выполняла в годы, последовавшие сразу за революцией 1917 г., роль генератора новых лингвокультурных универсалий, причем эта генерация носила императивный, пропагандистский, директивный характер. Здесь можно сослаться на весьма точные наблюдения философа С. Франка. В преддверии революции С. Франк отмечал, что, когда народ переживает особые повороты в своей жизни, он, как никогда, «со страстной жадностью» ждет «авторитетных указаний и разъяснений», которые дали бы почву для «ориентировки и самонахождения» [3]. Такие ориентировки народ получал. Директивность языка и мышления присутствует в ЛКС как одна из новых, значимых ее черт. Это сказывается на преимущественном употреблении глаголов совершенного вида, глаголов с семантикой решительных, завершенных, агрессивных и обязательных действий. В советской журналистике эффективно использовались накопленные опытом классической культуры риторические приемы, формы смыслообразования и конструирования направленной, эффективной коммуникации.

В синтаксическом стиле официальной прессы наблюдается преобладание прямых форм риторического воздействия, открытой репрезентации положительных и отрицательных интенций адресанта речи, требовавших прямых пропагандистских форм воздействия на массового адресата.

Машина власти довольно быстро стала манипулировать массовыми надеждами на светлое будущее, для чего была разработана доктрина ускоренного «строительства» новой жизни, а для ее реализации — система соцсоревнования, с ее утопически-прогрессивистской концепцией «пятилеток», которые следовало «выполнять» как можно быстрее.

Вообще идея ускоренного проживания времени, форсирования всех жизненных, общественных, экономических процессов стала ведущей официальной идеей в 1920—1930-е гг. Она активно внедрялась в массовое сознание советской прессой.

Для эффективного переустройства всей системы экономики и общественного строя идеологи сформировали образ «врага».

«Мифологизация общественной жизни осуществлялась по структурной модели «свои» / «чужие» [2].

«Враги» понимались как враги коммунизма и социализма, молодой Советской страны. И под категорию врагов стали подводить несколько категорий людей: участников белогвардейского движения, дворян и их потомков, любых несогласных с режимом или косвенно выразивших несогласие, непонимание директив.

Лингвокультурная универсалия войны и борьбы стала центральной в этом насильственном, сознательном противопоставлении традиционного русского уклада, русской истории, высокой дворянской культуры «новому быту» и «новому зданию» социализма.

Особенный интерес в отношении языка официальной прессы вызывает контекстуальное изменение семантики однокоренных слов «чистота» и «чистка». Если

в дореволюционном языковом сознании «чистка» ассоциировалась исключительно с неодушевленными предметами — чистка ковра, чистка ящика стола и пр., — то в постреволюционном лексиконе появляется новая сема, характеризующая отношения в коллективе, т.е. социальные, антропологические отношения.

Наиболее часто употребляемые сочетания, в которых встречается в прессе (газеты «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Гудок» и др.) слово «чистка»: «чистка рядов», «партийная чистка», «провести чистку рядов». Под объектом чистки понимается профессиональный или партийный коллектив, а итогом этого идеологического воздействия считается «чистота рядов» — т.е. моральная, политическая «чистота».

Таким образом, семантика слова «чистка» подверглась двойному лингвокультурному изменению: вначале антропологизации, затем — некой милитаризации, поскольку коллектив мыслился исключительно в милитаристских, военных категориях как «строй», «ряды», т.е. по аналогии с казарменным коллективом.

Еще одна важная бинарная оппозиция — это «молодое» (новое) и «старое» (дореволюционное, старорежимное, отжившее).

Противостояние со старым укладом вылилось и в особый культ силы и молодости, в частности — культ детских и юношеских движений (пионерия, комсомол), а также в культ спорта как одного из мощнейших социальных инструментов сплочения нации.

На смену прежним императорским дворцам и дворянским усадьбам пришли «дворцы спорта», «дворцы пионеров», «дворцы культуры». Новая власть агрессивно вытесняла прежние лингвокультурные универсалии, подменяя их новыми или адаптируя к прежним новые значения и символы.

Описание исторически очерченной эпохи как лингвокультурного целого осуществляется с помощью выявления сквозных, доминирующих лингвокультурных универсалий, а также с помощью определения динамики развития смыслов этих универсалий внутри эпохи, прирастания новой семантики или трансформации исходной. Итогом такого описания должна стать языковая картина мира исторически очерченной эпохи, дифференцированная с точки зрения основных социальных групп — носителей национального языка.

В целом, можно констатировать, что демократизация русского языкового сознания стала главным итогом формирования ЛКС 1920—1930-х гг., при этом указанный процесс происходил как с помощью спланированной пропаганды (работа официальной прессы и административных директив), так и бессознательно, как некое «встречное движение» со стороны носителей языка, как потребность в переустройстве сословного порядка имперского строя дореволюционной России.

«Идея равенства в сочетании с безудержным, доведенным до абсурда космополитизмом, идея о том, что у пролетариата нет родины, о том, что кроме пролетарской культуры никакая другая культура не имеет права на существование, о том, что лучшими культурными символами являются молот, соха, серп и винтовка со штыком, вылились в идею “пролетарского строя”, к которому можно лишь

присоединиться, стать его частью, либо погибнуть под его натиском. Универсалии похожести, равенности в этом строю, движущемуся к коммунизму, запечатлялись в языке, плакатном искусстве, менталитете молодежи» [1. С. 153].

Как уже подчеркивалось выше, ключевой лингвокультурной универсалией исследуемой эпохи стала бинарная оппозиция «старое» / «новое». Противопоставление «старый — новый» обрело очень четкие коннотации: старое — это плохое, неприятное, темное, тогда как новое — это хорошее, светлое. В традиционном русском сознании подобные смыслы в значении слова «новый» отсутствовали.

Для советского человека характерно ожидание какого-то необыкновенного будущего. Его наличие или отсутствие является четким критерием для отнесения к своим или чужим. У своих всегда есть будущее, а чужие обречены жить воспоминаниями о прошлом. Прошлое не является значимым понятием в языковой картине мира советского человека.

При анализе текстов официальной прессы 1920—1930-х гг. становится очевидным, что «старому» в языковой картине мира советского человека уделяется очень мало внимания. «Новый мир» является антиподом не только «старого мира», но и современного. Все старое, чужое, прошлое должно быть разрушено, а новое, свое, будущее — построено. Высшей ценностью для советского человека является способность к непрерывному обновлению — в масштабах государства, коллектива, отдельной личности. Советское государство обязано развиваться, так как в этом залог самосовершенствования. Эти изменения пронизывают все слои общества, проявляются на всех уровнях — начиная от общественного и заканчивая личностным, приватным.

Таким образом, язык официальной прессы 1920—1930-х гг. отображает те процессы изменения в коллективном сознании нации, которые вызваны к жизни коренным переломом в культурном и социально-политическом устройстве общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Шаклеин М.В. Лингвокультурная ситуация и исследование текста. — М.: Общество любителей российской словесности, 1997.
- [2] Кранышева Л.А. Лингвокультурная ситуация 1950-х годов (на материале рассказов советских русских писателей): Дисс. ... канд. филол. наук. — Елец, 2008.
- [3] Франк С. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. — М., 1917.

LITERATURA

- [1] Shaklein M.V. Lingvokul'turnaja situacija i issledovanie teksta. — M.: Obshhestvo ljubitelej rossijskoj slovesnosti, 1997.
- [2] Krapyshcheva L.A. Lingvokul'turnaja situacija 1950-h godov (na materiale rasskazov sovetskih russkih pisatelej): Diss. ... kand. filol. nauk. — Elec, 2008.
- [3] Frank S. Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuju psihologiju. — M., 1917.

**THE LINGVOCULTUROLOGICAL ANALYSIS
OF LANGUAGE OF THE PRESS OF 1920—1930
OF THE XX THE ELID**

G.N. Fomenko, O.V. Murashova

The Russian language Department № 1
The faculty of Russian language and General educational disciplines
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the analysis of linguistic-cultural universality and dominants on the example of official publications 1920—1930th and also to research of stylistic, semantic, syntactic parameters of the press of the period of the beginning of the Soviet era.

Key words: linguistic-cultural universality, the official press, historically defined era, language picture of the world, linguistic-cultural situation of the Soviet era, the democratization of speech, lingual picture of the world.